

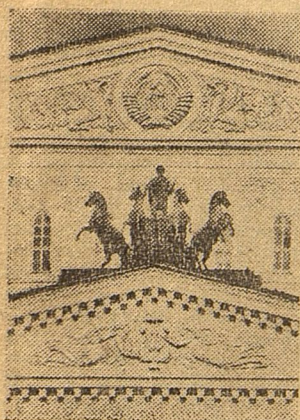
● К 200-летию Большого театра СССР

ТАЛАНТ — ЭТО ТРУД

С юных лет Александр Огнiewicz считал себя человеком техники. Вдохновенно копался в сложных радиосхемах и работать стал по призванию — диспетчером связи на станции Ворошилов-Уссурийский. Великая Отечественная война сорвала с места молодого железнодорожника, сделала фронтовым связистом. Через четыре года дошел он до Молдавии. Здесь, в Кишиневе, тоже работал в воснизированной железнодорожной связи.

Но внезапно для него самого судьба обернулась так, что через несколько лет, после учебы в Кишиневской и Московской консерваториях он оказался стажером, а затем и солистом Большого театра СССР...

Наш корреспондент Александр Крайнов встретился с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Александром Павловичем ОГНИВЦЕВЫМ.

ЛИЦО ЕГО, крупной и выразительной лепки, всегда поражало сходством с лицом Ф. И. Шляпина. И стало бы это сходство не радостью, а огорчением для артиста-певца да еще и обладателя сильного, красивого тембра баса, если бы не своеобычность творческой индивидуальности, не природная ненависть ко всякого рода копированиям и не прочность его дальневосточной натуры. Он не повторил ни Шляпина, ни других своих предшественников в Большом театре, создавая самоценные сценические образы, совершая свои открытия в образах оперной и камерной музыкальной драматургии.

— Как случилось, Александр Павлович, что вы стали певцом? Была ли хоть далекая мечта об оперной сцене?

— Не было. Я действительно почти целиком был погло-

щен своей связистской профессией. Но петь любил. Так, для себя, для друзей. Однажды в 1948 году в День железнодорожника собрались мы с товарищами на праздничную вечеринку. Обстановка была своякая. И я под гитару спел арию Владимира Дубровского из одноименной оперы Направника.

— Позвольте, но ведь у вас — бас, а партия Дубровского для лирического тенора...

— Я ее и пел тогда. Случилась там чуткая и умная женщина — концертмейстер Евгения Борисовна Сырб. Послушала она меня и говорит: «Надо вам идти в консерваторию учиться». Не успел я толком осознать, что и почему, как она привела меня в Кишиневскую консерваторию... И через всю жизнь проношу сыновнюю благодарность своему первому учителю Василию Григорьевичу Долеву. В 1949 году я впервые в жизни увидел Москву. На всесоюзном смотре консерваторий. Слушали нас замечательные певцы. Среди них была и Антонина Васильевна Нежданова. Она отнеслась ко мне с материнским вниманием. От нее я получил не только представление о глубинах вокальной и артистической культуры, но и те художественные идеалы, которым остаюсь верен всю жизнь. Кроме А. В. Неждановой, моими творческими наставниками стали великие дирижеры Николай Семенович Голованов и Александр Шамилевич Медик-Пашаев...

— Какие новые требования предъявляет современный Большой театр своим актерам?

— Прежде всего есть определенная диалектика в требо-

ваниях народа к культуре, в частности музыкальной культуре. Все большее количество зрителей ищет в искусстве не только развлекательности. Искусство должно заряжать мыслями и чувствами, которые люди уносят с собой в жизнь. Корифеи Большого театра тому нас и учили. Кроме того, с опытом увеличивается и требовательность артиста к себе, если, конечно, он настоящий художник.

— Что, по-вашему, составляет идеальные качества артиста-певца и артистического коллектива?

— Идеальные качества артиста-певца — это именно то, чем располагает И. С. Козловский. К слову сказать, я через многие годы пронес уважение к Ивану Семеновичу Козловскому: он совершенно исключительно строит особый, жесткий режим, все подчиняя работе над голосом, постоянной творческой учебе. Не перед выходом на сцену, а каждым днем и часом жизни он готовится к творчеству... Талант и голос — этими вещами не надо кичиться. Это блага, данные природой. Певца формируют режим и труд. Голосов сравнительно много — певцов куда меньше!.. И еще одно: если уж ты — артист Большого театра СССР — думай об открытиях...

— Вы имеете в виду открытия новых произведений? Или новаторское исполнение?

— И то, и другое. Хотя прежде всего предполагаю работу над малоизвестным или неизвестным произведением. Я люблю работать над вещами, которые не имеют исполнительских традиций. Басы, например, никогда не пели некоторые романсы Рахманинова, «Восточную мелодию» Кюи, «Кансону» и «Как дух Лауры» Листовского, «Лебедь» Сен-Санса...

— Мне известно, что вы дали новую жизнь не только этим произведениям, но даже Ариозо Матери из кантаты Анатолия Новикова «Нам нужен мир»...

— Мы с Анатолием Григорьевичем Новиковым — друзья. Ариозо Матери — талантлив-

ейшее его сочинение — вполне может петь и мужской голос: текст позволяет это сделать. Вот я и спел. Захотелось спеть, потому что увидел нечто свое, новые нюансы, скрытые, как выяснилось, даже от автора. Но ведь тут нет ничего особенного. Нормальные творческие отношения композитора и певца. Плохой певец и гениальному произведению причинит вред...

— Мысленно просматриваю ваши роли. Каждая — результат детальной обработки, начинающая оригинальностью актерского замысла и тончайшим вокальным мастерством и кончающаяся высокой культурой сценического воплощения. Можно ли выделить среди этих ролей особенно дорогие?

— Вряд ли. Разная музыка — разные характеры. Небольшая партия короля Рене в одноактной «Иоланте» в действительности не может быть небольшой, потому что это — Чайковский, его бессмертная музыка. Мефистофель в «Фаусте» Гуно, Дон Базлио в «Севильском цирюльнике» Россини, Борис Годунов и Досифей в великих творениях Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина», Иван Грозный и Баряжский гость из «Псковитянки» и «Садко» Римского-Корсакова мне интересны так же, как персонажи советских опер: Николай I в «Декабристах» Шапорина, Генерал в «Игроке» Прокофьева, Вожак в «Оптимистической трагедии» Холминова. Воплощать репертуар такой мощи — большая радость для актера-певца. В нем и себя чувствуешь могучим.

— Празднование 200-летия Большого театра — время большой творческой озабоченности, — сказал в завершение беседы А. П. Огнiewicz. — Мы приходим и уходим — Большой театр остается. И сейчас, как никогда, надо думать о том, что мы передадим наследующим поколениям. Отбор всего лучшего, что достигнуто музыкальной культурой нашего времени, — так я понимаю наш юбилейный вклад в историю Большого театра.